

ДРЕВНЕЙШЕЕ СООБЩЕНИЕ ОБ ОБЫЧАЕ СОПРАВЛЕНИЯ БРАТА И СЕСТРЫ У АФРИКАНСКИХ НАРОДОВ*

Настоящее сообщение посвящено отражению в сочинении арабского ученого Х в. ал-Хамдани одного из пережитков материнского рода у некоторых африканских народов. Речь идет об обычае совместного управления мужчины и женщины, чаще всего — брата и сестры, отмеченном европейскими исследователями во многих африканских государствах.

Обычно принято считать, что первым, кто описал этот обычай, был П. Погге¹. Это не вполне точно. Г. Нахтигаль во время своих путешествий по Судану в 1869—1874 гг. отметил, что в государствах Центрального Судана, например в султанате Борну, видную роль в управлении играли царица-мать, жена или сестра правителя².

Однако, бесспорно, что Погге был первым из исследователей, специально обратившим внимание на обычай соправления у лунда Анголы. Поэтому и самый обычай получил в этнографической литературе название «лукокеша» («Lukokescha» или «Lukokeshsha») по титулу соправительницы царя лунда, носившего титул «муата ямво» (Muata jamwo, mwata yamwo).

Лукокеша — это одна из сестер правителя, которая теоретически считается матерью всех царей страны (в то же время она не может иметь детей в действительности). Она является равноправной соправительницей муата ямво, обладает, так же как и последний, полной и неограниченной властью над жизнью и смертью подданных. Любопытно, что лукокеша единственная во всем государстве лунда была исключена из юрисдикции муата ямво. Она имела свой собственный двор, и ей были особо подчинены отдельные округа и селения, составлявшие, по-видимому, нечто вроде удела. Обязательным было участие лукокешы в обсуждении в царском совете важнейших политических вопросов. Наряду с царем она получала налог, взимаемый со всех торговых караванов. Одной из важнейших функций, которые выполняла лукокеша, было участие в выборе нового муата ямво взамен умершего. Этот выбор осуществляла коллегия в составе «каннапумба» (kannapumba) — четырех виднейших советников царя, и лукокешы. При этом именно лукокеша имела решающий голос. Отметим, кстати, что новый правитель избирался из числа сыновей умершего, т. е. наследование осуществлялось по отцовскому праву. Выбор новой правительницы осуществляли те же четыре сановника, но на этот случай требовалось решающее мнение муата ямво. Высокое положение, которое занимала в государстве лунда лукокеша, подчеркивалось и чисто внешними признаками. Так, она имела право носить «лукано» — браслет из слоновой кости, считавшийся знаком царской власти. Путешествовала она на плечах раба, что дозволялось только высшим сановникам государства³.

Мы видим, таким образом, сложившуюся и четко разработанную систему двойного правления.

Дальнейшие этнографические исследования показали, что отмеченное выше независимое и почетное положение женщины-соправительницы характерно не для одних только лунда. Такие формы общественной и государственной организации оказались свойственными многим африканским народам, в особенности — относящимся к группе банту.

Исследуя чокве, ближайших соседей лунда, которые в XIX в. входили в состав государства лунда, Г. Бауманн показал, что этот народ, как и расположенные юго-восточнее лунда, считал вполне нормальным и обычным даже единоличное женское

* Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов (Москва, август, 1960 г.).

¹ См., например, Н. Ваупп, Lunda, Berlin, 1935, стр. 139.

² G. Nachtigal, Sahara und Sudan, I, Berlin, 1879, стр. 723.

³ P. Pogge, Im Reiche des Muata Jamwo, Berlin, 1880, стр. 153, 156—157, 227—228, 231—235; M. McCulloch, The Southern Lunda and Related Peoples, London, 1951, стр. 10—11.

правление⁴. Но помимо этого, чокве обнаруживают многие черты уже отмеченного параллелизма в системе управления. Так, у чокве почти равные права в управлении имели царь, его единоутробный брат и мать царя⁵. При этом мать царя была сестрой его предшественника. Здесь высокое положение царицы-матери подчеркивалось еще и тем, что она обладала правом предоставлять защиту от наказания любому преступнику⁶.

Можно вообще говорить о широком распространении пережитков норм материнского права в государственной организации народов банту. Это подтверждают данные относительно наиболее изученных баганда. Роско сообщает, что здесь царицей становилась единокровная сестра царя. При этом немаловажная роль в выборе новой царицы принадлежала царице-матери. Царица имела собственный двор, чины которого носили те же звания, что и чины двора ее мужа. Она пользовалась столь же неограниченной властью над жизнью и смертью подданных, как и сам царь; причем как царица, так и царица-мать имели право суда над своими слугами. Царица располагала обширными имениями во всех частях государства⁷. Высокое положение царицы у баганда подчеркивалось еще и тем, что она (как и царица-мать) носила тот же титул — «кабака» (kabaka), что и ее муж, а также принципами, определявшими размещение усадьбы царицы: она непременно должна была отделяться от царской усадьбы какой-либо проточной водой. Теоретически подобное размещение объяснялось так: поскольку жена царя также является независимым царем со своими собственными владениями, двум независимым дворам нельзя располагаться на одном холме, и они должны быть разделены проточной водой⁸.

Сходные условия мы встречаем и у других народов банту, например у руанда⁹. Но распространение таких форм государственной организации не ограничивается народами банту. Например, Мик сообщает, что царица чамба считалась повелевательницей всех женщин страны¹⁰. Аналогичные порядки существовали в древней Дагомее¹¹, у ашанти¹²; близки к ним условия, существовавшие в древнем Бенине¹³ и в государствах йоруба¹⁴. В последнем случае, так же как и в Дагомее и Бенине, мы сталкиваемся уже с малайской системой родства¹⁵. Для восточных районов Хофмайр сообщает об обязательном браке вождя со своей сестрой у шиллуков¹⁶.

В работе «Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika» Бауманн подробно рассмотрел вопрос о происхождении и причинах перечисленных выше форм государственной организации у африканских народов и пришел к выводу, что привилегированное положение женщин правящей семьи может происходить как из пережитков материнского права, так и из чисто династических причин. В случае брака между единоутробными братом и сестрой речь идет, по-видимому, о материнском праве; если же брат и сестра имеют общего отца, то можно говорить о преобладании династических соображений¹⁷.

Характерно, что если жена правителя пользуется широкими правами в административной и судебной областях, то эти права принадлежат ей скорее как сестре царя или — после смерти мужа — как матери его преемников, чем как супруге¹⁸. При этом сестра-жена, если говорить о лукоше или кабака (у баганда), не может иметь детей ни от супруга, ни от своих многочисленных любовников¹⁹. Это подтверждается тем обстоятельством, что во многих случаях царица-мать в действительности не была матерью правителя²⁰ (так же как и сестра, которая чаще была не родной, но классификационной).

⁴ Н. Вауманн, Указ. раб., стр. 144—145; его же, Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika, «Zeitschrift für Ethnologie», Jhg. 58, Hf. 1—2, 1926, стр. 146—147; М. МсСул-лосч, Указ. раб., стр. 69.

⁵ Н. Вауманн, Lunda, стр. 142.

⁶ Там же, стр. 145.

⁷ J. Roscoe, The Baganda, London, 1911, стр. 84—85, 191, 236—237, 266.

⁸ Там же, стр. 203; см. также «Народы Африки», М., 1954, стр. 406—407.

⁹ J. J. Maquet, Le Système des Relations sociales dans le Rwanda ancien, «Annales du Musée Royal du Congo Belge, Sciences de l'Homme», т. I, Tervuren, 1954, стр. 147—148.

¹⁰ C. Meek, Tribal Studies in Northern Nigeria, London, 1931, I, стр. 335.

¹¹ A. W. Hubner, Das afrikanische Häuptling- und Königtum, «Das Ausland», т. 63, 1890, стр. 185.

¹² J. Dupuis, Journal of a Residence in Ashantee, London, 1824, стр. 114.

¹³ Д. А. Ольдерогге, Древности Бенина, I, «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XV, М.—Л., 1953, стр. 336.

¹⁴ S. Johnson, The History of the Yorubas, London, 1921, стр. 63—64.

¹⁵ Д. А. Ольдерогге, Малайская система родства, сб. «Родовое общество», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XIV, М., 1951, стр. 37—45.

¹⁶ W. Hofmaier, Die Schilluk, Wien, 1925, стр. 139.

¹⁷ Н. Вауманн, Vaterrecht, стр. 151.

¹⁸ Там же, стр. 145.

¹⁹ P. Rogge, Указ. раб., стр. 157; J. Roscoe, Указ. раб., стр. 84; Н. Вауманн, Vaterrecht, стр. 153—154.

²⁰ T. Irfstam, The King of Canda, Lund, 1944, стр. 172, 174.

Дошедшие до нас сведения о браке царя Мономотапы с родной сестрой можно рассматривать как попытку примирения принципов родства по материнскому и отцовскому праву²¹. Весь комплекс явлений, связанных с брачными отношениями в правящих семьях у многих народов Африки,— наследование престола по материнской линии, браки между братьями и сестрами, высокое положение матери и сестер правителя,— указывает на сохранение значительных элементов материнского права в династических вопросах²².

Важнейшие центры материнского права в Африке совпадали с районами, где находились государства, достигшие высокого уровня политического и культурного развития,— такие, как Бенин, Йоруба, Ашанти, Лунда, Мономотапа, Буганда, в которых мы можем отметить значительную феодализацию.

Однако, несмотря на сравнительную разработанность проблемы²³, до настоящего времени не было обращено внимания на сообщение одного из наиболее интересных и самобытных арабских авторов — Абу-Мухаммеда ал-Хасана ибн-Ахмеда ал-Хамдани (ум. 334/945 г.). В своем географическом сочинении «Сифат джазират ал-араб» (Описание острова арабов) он говорит при описании «четвертой Земли»; «что касается четвертой четверти, которая лежит в южной части от ал-Магриба, то это страна черных из числа зинджей, ал-хабаша, ал-буджа, нубийцев, Фаззан и земля ал-Кайрувана. Относительно же Ифрикии, ал-Кайрувана, ас-Суса, страны нагих черных и Ганы преобладают иные названия, например Нумидия, Гетулия и прочие названия на греческом языке. Эта четверть напоминает треугольник Рака, управляют же ею Венера и Марс. Обе эти планеты суть западные, подразумевая под этим, что они — южные по отношению к ал-Магрибу, ибо Венера — южная, а восход Марса находится на юге.

И поэтому у многих обитателей этих стран из-за союза этих двух звезд имеется обычай, чтобы на царстве находились царь и царица — брат и сестра от одной матери. Из них мужчина правит мужчинами, а женщина — женщинами. Они сохраняют этот обычай; он — древний обычай, они же унаследовали его. Их темперамент очень горяч: они всецело поглощены совокуплением с женщинами, которые выдаются замуж до дефлорации их их мужьями (т. е. будучи девственницами.— Л. К.). Женщины некоторых из черных посвящены в то, что есть между мужчинами (т. е. в их дела.— Л. К.) из-за ненасытности последних и их жадности к красоте»²⁴.

Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с нормами материнского права. Это вытекает из подчеркнутого ал-Хамдани условия — «брат и сестра от одной матери» и подкрепляется вторым отрывком. Едва ли может быть сомнение, что смысл этого отрывка заключается именно в показе высокого положения женщины в обществе у африканских народов. Естественно, что арабу первой половины X в., мусульманину (пусть даже и не особо ревностному, каким был, по-видимому, ал-Хамдани) подобная роль женщины в обществе и государстве должна была казаться чем-то необычным, и объяснить эту необычность он мог лишь астрологическими соображениями или «необузданным темпераментом» африканцев. Сопоставление текста ал-Хамдани с приведенными в начале настоящего сообщения описаниями сходных обычаев у африканских народов конца XIX в. показывает большую устойчивость подобных элементов материнского права и их глубокую древность.

Учитывая уже отмечавшуюся связь районов распространения пережитков материнского права и управления и наиболее высокоорганизованных государственных образований, следует признать текст ал-Хамдани косвенным свидетельством существования таких государств к югу от Сахары уже в начале X в.— государств высокой культуры и значительной протяженности. В самом деле, давно уже известно, что в структуре таких государств, как Гана, сильны были элементы материнского права, в частности в вопросе о престолонаследии²⁵.

Крупный и разносторонний ученый, ал-Хамдани тем не менее никогда не выезжал за пределы Аравийского полуострова, которому и посвящен его труд²⁶. Внимание к этнографическим сюжетам делает честь широте его научных интересов. Но сюжет этот затронут на основании какого-то источника, письменного или устного, который нам совершенно недоступен. Все же мы можем с полным основанием говорить о существовании у арабов традиции описания районов Африки, традиции, на которой и основывался ал-Хамдани, но которая не прослеживается у других современных ему авторов. Это утверждение влечет за собой дальнейший вопрос: знакомство с какими обла-

²¹ Н. Вауманн, Vaterrecht, стр. 152.

²² Там же, стр. 157.

²³ Н. Вауманн, Vaterrecht, стр. 153, 157; Н. Вауманн, D. Westermann, Les peuples de l'Afrique, Paris, 1948, стр. 143, 184—185, 217; Т. Ирстам, Указ. раб., стр. 175.

²⁴ D. H. Müller, Al-Hamdânîs Geographie der Arabischen Halbinsel, I, Leiden, 1884, стр. 40, 5—16.

²⁵ См., например, W. D. Cooley, The Negroland of the Arabs, London, 1841, стр. 40.

²⁶ К. Brockelmann, Geschichte der Arabischen Literatur, I, стр. 229; И. Ю. Крачковский, Арабская географическая литература, «Избранные произведения», т. IV, стр. 166; C. van Ardenonk, Al-Hamdani, «Enzyklopädie des Islam», II, стр. 367.

стями отражала традиция, т. е. до каких мест доходили арабы во внутренних районах африканского континента к первой половине X в.? Текст ал-Хамдани проливает некоторый свет на этот вопрос.

Области, перечень которых приведен в нашем отрывке, далеко не все поддаются мало-мальски удовлетворительной идентификации. Если можно довольно точно определить границы Ифрикии, ас-Суса, ал-Кайрувана, Нубии, Фаззана и земель ал-буджа, то значительно менее ясны в этом смысле Гана, области зинджей и ал-хабаша, а «страны нагих черных» и вовсе неопределены. Поэтому необходимо сопоставить сведения ал-Хамдани с теми данными о пережитках материнского права у различных африканских народов, которые приведены в начале настоящего сообщения.

Совершенно очевидно, что сведения ал-Хамдани не могут относиться к банту бассейна Конго — лунда, луэна, чокве. Едва ли можно отнести эти сведения и к восточным банту, хотя нет достаточных оснований к тому, чтобы полностью отрицать возможность знакомства арабов с северной частью нынешнего района расселения баганда (впрочем, в традиции этот народ прослеживается не ранее XII в.).

Вероятнее всего, однако, что сообщение ал-Хамдани имеет в виду народы Центрального Судана — позднейшие области Борну, Вадаи, Багирми, Дарфур. На это как будто указывает упоминание Фаззана — области, через которую проходил один из караванных путей из Северной Африки в Судан, описанный ибн-Хаукалем в 70-х годах X в.²⁷ Ко времени ибн-Хаукаля этот путь был уже заброшен, но в начале X в. — время, к которому относится информация ал-Хамдани, он еще действовал. К тому же в районе оз. Чад находилось к этому времени одно из крупнейших государственных образований раннесредневековой Африки — Канем²⁸.

Мы уже упоминали о наблюдениях Нахтигала в Центральном Судане. Его сведения не ограничиваются Борну. Аналогичные факты были обнаружены в султанатах Багирми, Вадаи, Дарфур. При этом в Багирми сестра султана (или же иногда его дочь) считалась главой всех женщин царской семьи²⁹.

То, что сообщение Нахтигала о положении женщин правящих домов этого района в системе управления менее соответствует букве сообщения ал-Хамдани, нежели наши сведения, например, о баганда, не должно нас смущать. Общественная и государственная организация народов Центрального Судана подверглась длительному воздействию ислама, и некоторые элементы материнского права могли исчезнуть под этим воздействием и, вероятно, действительно исчезли. Более всего примечательно как раз то, что сообщения Нахтигала относятся главным образом к мусульманским государствам. Самое существование подобных явлений в сильно исламизированной среде показывает, что речь идет о сохранении и значительной устойчивости пережитков материнского права, возникновение которых относится ко времени значительно более раннему, чем время появления ислама в этих районах Судана.

²⁷ Opus geographicum auctore Abu-l-Kasim Ibn Haukal..., ed. J. H. Kramers, I, Lugd. Bat., 1938, стр. 92, 253.

²⁸ См. Ibn Wadhîh qui dicitur al-Jaqûbî Historiae, ed. M. Th. Houtsma, I, Lugd. Bat. 1883, стр. 219.

²⁹ G. Nachtigal, Указ. раб., т. II, Berlin, 1881, стр. 611; т. III, Berlin, 1883, стр. 232, 424—425.